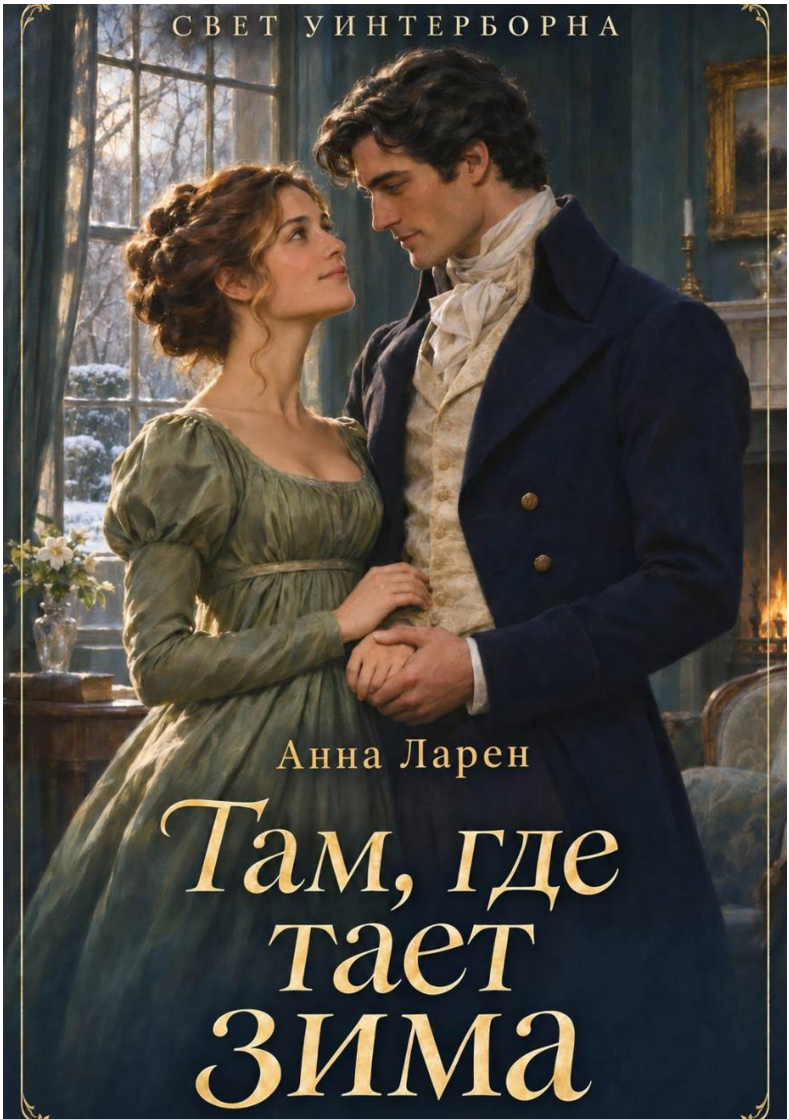
СВЕТ УИНТЕРБОРНА
Анна Ларен
Там, где тает зима

Анна Ларен
Там, где тает зима

https://litres.ru/74852759
SelfPub; 2026

Аннотация

Одна скользкая ступень, несколько свидетелей — и репутация Марианны Лэнгтон оказывается под угрозой. Спасший её от падения граф Уинтерборн предлагает единственное решение, которое считает достойным: брак.

Николас обещает ей имя, достаток и безупречную учтивость. Он убеждён, что именно этого добивались Марианна и её семья. А она, ещё недавно мечтавшая о любви, становится женой человека, рядом с которым страшно протянуть руку.

В Уинтерборн-холле всё подчинено заведённому порядку. Здесь легко найти свою комнату и трудно почувствовать себя дома. Но Марианна постепенно наполняет холодные покои жизнью, задаёт неудобные вопросы и всё чаще замечает за непроницаемым лицом мужа усталость, нежность и тщательно скрываемую боль.

Зимние прогулки становятся длиннее. Прощания у двери — медленнее. Николас начинает ждать её смеха, а Марианна узнаёт, каким горячим может быть его прикосновение.

Только довериться друг другу оказывается труднее, чем поддаться желанию.

Содержание

Глава первая 4
Семейный вечер 4
Глава вторая 13
На террасе 13
Глава третья 23
Предложение 23
Глава 4 33
До свадьбы 33
Глава 5 43
Чужой дом 43
Глава 6 53
Порядок вещей 53
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Анна Ларен
Там, где тает зима

Глава первая

Семейный вечер

Суррей, октябрь 1826 года

– Если ты ещё раз повернёшься, я пришью тебя к платью, – сказала Марианна.

Люси немедленно застыла. В зеркале её лицо приняло такое страдальческое выражение, что Марианна рассмеялась и едва не уколола палец.

– Смотри прямо. Осталось совсем немного.

– Ты обещала это четверть часа назад.

– Тогда у меня было больше надежды на твоё терпение.

Они стояли у окна спальни. Сад за стеклом потемнел; под старой грушей лежали мокрые листья. Люси переводила взгляд с отражения на часы. Ей исполнилось восемнадцать, и к сегодняшнему вечеру у миссис Харроу она готовилась с особенной тщательностью.

Марианна закончила стежок, закрепила нить и отступила. Новая узкая лента лежала по краю выреза ровно. Люси про-

вела по ней пальцами.

– Теперь хорошо?

– Теперь можешь дышать.

Люси воспользовалась разрешением с преувеличенным облегчением, затем быстро обернулась.

– А ты ещё не одета!

– На мне платье.

– Дневное.

– Какое наблюдение.

Из коридора донёсся голос матери:

– Девочки, отец уверяет, что карета уже подана.

Марианна вернулась к туалетному столику. Элизабет Лэнгтон вошла следом и взяла с кровати светлое вечернее платье.

– Подними руки, дорогая.

Платье скользнуло по волосам. Элизабет расправила ткань на плечах дочери и принялась застёгивать маленькие крючки на спине. Марианна чувствовала знакомые быстрые прикосновения и тепло материнского дыхания у затылка.

– Не туго?

– Нет. Только один крючок цепляется.

– Я поправлю его завтра.

На последнем званом вечере платье было с другими лентами. Сегодня мать нашла кусок кремового кружева, которого хватило на отделку. Марианне нравились мягкий оттенок ткани и свободная юбка.

Элизабет посмотрела на дочерей в зеркало.

– Вот и хорошо, – негромко сказала она.

Марианна потянулась обнять её, и мать придержала гребень у неё на затылке.

– Осторожнее с волосами, дорогая.

Внизу Эдвард Лэнгтон стоял у камина во фраке. Газета всё ещё была у него в руке.

Люси выразительно посмотрела на его перчатки.

– Ты собираешься читать в карете, папа?

– Я собирался дочитать здесь. Но вы управились удивительно быстро.

– Карета, однако, ещё не приехала, – заметила Марианна.

Эдвард взглянул на жену. Та спокойно взяла с кресла шаль.

– Я могла ошибиться, – сказала она.

– Разумеется, – согласился он. – Случай редкий, но нам, несомненно, повезло его увидеть.

Он сложил газету, подал жене руку и на пути к двери задержал взгляд на старшей дочери.

– Хорошо выглядишь, Марианна.

Она улыбнулась.

Карета действительно стояла у крыльца. Марианна устроилась рядом с Люси и посмотрела в окно. Отец попросил оставить в гостиной зажжённую лампу; этот свет встретит их и по возвращении. Она смотрела на него, пока карета не повернула за ворота. В дороге Люси рассуждала о предстоящих

танцах, а Эдвард придерживал жену на ухабах.

У дома миссис Харроу подъездная дорожка была освещена фонарями. За высокими окнами двигались тени, и, пока лакей открывал дверцу, до Марианны долетел звонкий звук фортепиано.

Миссис Харроу встретила их в гостиной. Вдова, дальняя родственница Элизабет, она любила собирать соседей. Поцеловав обеих сестёр, хозяйка спросила, согласится ли Марианна сыграть немного позже.

– Только если вы позволите мне выбрать что-нибудь короткое.

– Я позволю вам выбрать что угодно, лишь бы не пришлось снова уговаривать мисс Грей. Она уже объяснила, что сегодня чувствует себя совершенно неспособной прикоснуться к клавишам. Это объяснение заняло у неё двадцать минут.

Марианна улыбнулась и вслед за матерью прошла в гостиную.

Здесь было светло, жарко и многолюдно. Огонь горел сразу в двух каминах. На столиках и каминных полках стояли свечи; белые цветы в вазах казались вырезанными из воска. Шелестели платья, негромко звенел фарфор. Узнав знакомых, Марианна несколько раз останавливалась, отвечала на приветствия и незаметно потеряла Люси, которую сразу увела к себе одна из подруг.

Миссис Харроу подвела Марианну к столику с нотами и

показала на лежавшую сверху тетрадь.

– Это ваша? Вы оставили её у меня в прошлый раз.

Марианна подошла ближе. На обложке и в самом деле был знакомый надрыв.

– Моя. А я успела обвинить в её исчезновении сестру.

– Надеюсь, без тяжёлых последствий для сестры.

– Она потребовала извинений заранее, на случай если я её найду.

Марианна взяла тетрадь и, улыбаясь собственным словам, отступила на шаг. Её локоть задел чью-то руку. Послышался негромкий стук: стоявшая на краю столика чашка качнулась в блюдце.

Она быстро обернулась.

Мужчина успел придержать чашку. Ни капли не пролилось, но Марианна увидела, как близко её рукав прошёл от тёмной ткани его фрака.

– Простите. Я была уверена, что позади меня свободно.

– До последнего мгновения я тоже так думал.

Голос был низким и ровным. Марианна подняла глаза. Мужчина оказался высоким; даже ей пришлось чуть запрокинуть голову. Чёрные волосы, ясный рисунок тёмных бровей, спокойное лицо, на котором сейчас трудно было прочесть что-либо, кроме лёгкого неудовольствия. Глаза при свечах казались почти чёрными.

– К счастью, чашка осмотрительнее нас обоих, – сказала она.

Его взгляд задержался на ней.

– Она, по крайней мере, оставалась на месте.

Миссис Харроу уже стояла рядом.

– Марианна, позвольте представить вам лорда Уинтерборна. Милорд, мисс Лэнгтон.

Марианна присела в реверансе, внезапно понимая, кто перед ней. О графе Уинтерборне она слышала от матери, от хозяйки дома и, пожалуй, ещё от нескольких человек, которым случалось вернуться из Лондона. Обычно разговор начинался с его положения и заканчивался тем, что жениться он почему-то не торопился.

Он поклонился.

Она снова извинилась – уже кивком – и отошла вместе с хозяйкой.

Люси нашла её через несколько минут.

– Ты знаешь, с кем разговаривала?

– Меня представили.

– И ты едва не опрокинула на него чашку!

– Чашку я едва не опрокинула на стол. Он находился поблизости.

Люси прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Он посмотрел так, словно ты покусилась на государственное имущество.

– Возможно, оно было очень дорогое.

– И невозмутимое.

Они одновременно улыбнулись. Марианна уже хотела

спросить, где мать, когда вдруг встретилась взглядом с самим графом. Он стоял у противоположного конца гостиной и, по-видимому, прекрасно видел обеих сестёр. Улыбка исчезла с её лица не сразу. От этого стало ещё неловче.

Она опустила глаза на ноты.

– Мне сейчас играть, – сказала она Люси. – Пожелай, чтобы я не уронила инструмент.

* * *

Николас не сомневался, что девушки смеялись над ним. Младшая сказала что-то вполголоса; старшая ответила, и обе с трудом удержались от нового приступа веселья. Его собственное присутствие, очевидно, придавало разговору особую прелесть.

Следовало отвернуться. Вместо этого он продолжал смотреть, пока мисс Лэнгтон не подошла к фортепиано.

В лице Марианны было что-то мягкое и светлое. Ее нельзя было назвать просто хорошенькой, в карих глазах светился живой ум, а на лице часто отражалось то, о чем она думала. За недолгое время их знакомства он успел увидеть досаду на собственную неловкость, веселье и короткое смущение, когда хозяйка назвала его титул. Последнее, впрочем, быстро прошло.

Она села за инструмент, расправила юбку и склонилась над нотами. Каштановые волосы были уложены просто. Николасу понравилась линия её шеи над светлым кружевом; заметив, куда смотрит, он перевёл взгляд на её руки.

– Вы знакомы с Лэнгтонами? – осведомилась миссис Селвин.

Николас не услышал, как она подошла.

– С мисс Лэнгтон меня только что представили.

– Очень милая семья. Их дом невелик, но Элизабет всегда умела принимать гостей. Теперь, конечно, с двумя взрослыми дочерьми приходится думать и о другом.

Он посмотрел на собеседницу.

– О чём именно?

– Ах, милорд, вы ставите меня в затруднение. Молодым девушкам следует показываться в обществе. А Лондон так дорог! Бедная Элизабет как раз говорила, что не знает, смогут ли они поехать весной.

Николасу не хотелось обсуждать расходы незнакомой семьи.

– Они, вероятно, решат это без нашего участия.

Миссис Селвин слегка поджала губы.

– Я говорю об этом лишь потому, что давно их знаю.

У фортепиано зазвучали первые ноты. В гостиной стало тише. Николас воспользовался этим, чтобы отойти.

Мисс Лэнгтон играла без желания поразить слушателей. Один раз она едва заметно нахмурилась и взглянула на левую руку. Он не понял бы, что она ошиблась, если бы не это движение бровей.

Когда музыка закончилась, Марианна повернулась к матери. Улыбка, которой они обменялись, была короткой и до-

вольной; старший Лэнгтон, до этого стоявший у камина, тихо похлопал, подняв ладони почти к самому подбородку. Младшая дочь что-то сказала ему и получила в ответ лёгкий щелчок сложенной программой по пальцам.

Николас отвёл взгляд. Подобная непринуждённость всегда заставляла его чувствовать себя лишним.

Миссис Харроу заговорила о танцах и попросила его остаться до ужина. Хозяйка была достаточно близка с его сестрой, чтобы рассчитывать на маленькую услугу.

– И, возможно, пригласите кого-нибудь из девушек, милорд. Иначе они решат, что в моём доме вам скучно.

Николас поклонился и поискал глазами мисс Лэнгтон. Она слушала пожилую даму, но пальцы на сложенной нотной тетради едва заметно двигались, повторяя только что сыгранную фразу.

Ему захотелось узнать, о чём она думает в эту минуту.

Николас поправил манжету и остался на месте. Через некоторое время он всё же подошёл к группе у фортепиано, но мисс Лэнгтон уже увела сестра.

Глава вторая

На террасе

К концу второго танца у Марианны разболелась голова. Огонь в каминах всё ещё поддерживали, и в гостиной стало жарко. Люси танцевала, а мать сидела за карточным столом рядом с миссис Харроу.

– Мама, я побуду немного в малой гостиной. Здесь душно.

Элизабет подняла голову.

– Конечно, дорогая. Я сейчас освобожусь и приду к тебе. Возьми шаль, если захочешь открыть окно.

Марианна сложила веер и пробралась между стульями. Из соседней комнаты на террасу вела приоткрытая стеклянная дверь. Оттуда тянуло прохладой.

Она вышла, придерживая дверь. Свет окон ложился на каменные плиты, кадки у балюстрады и верхние ступени. Дальше дорожка пропадала в тёмном саду. Пахло мокрыми листьями. На другой стороне дома блеснули окна оранжереи, которую миссис Харроу обещала показать ей весной. Марианна опёрлась о балюстраду и глубоко вздохнула.

Позади послышались шаги.

– Вы рискуете простудиться, мисс Лэнгтон.

Она быстро обернулась. Лорд Уинтерборн стоял у края

освещённого пространства. Очевидно, он пришёл по боковой дорожке; Марианна прежде его не заметила.

– Я вышла всего на минуту, милорд. Мне показалось, что в доме уже трудно дышать.

– Вы, вероятно, правы.

Он остановился в нескольких шагах. В свете окна его лицо выглядело ещё серьёзнее, чем в гостиной, и Марианна вдруг вспомнила, как они смеялись с Люси. От этого захотелось сказать что-нибудь необыкновенно вежливое.

– Здесь хорошо, – произнесла она и тут же подумала, что трудно было выбрать более бессодержательную фразу.

Граф посмотрел на тёмный сад.

– Особенно для октября.

Марианна невольно улыбнулась.

– Миссис Селвин обещает суровую зиму. Судит по ягодам на кустах.

– Надеюсь, кусты с ней согласны.

Марианна рассмеялась. Его взгляд вернулся к её лицу. После смеха тишина оказалась неожиданно ощутимой. Она поправила перчатку, жалея, что вышла без шали.

– Мне пора к матери.

Он отступил, освобождая проход. Между кадкой и балюстрадой оставалось мало места. Марианна обошла его со стороны ступеней и, придерживая юбку, поставила ногу на самый край верхней плиты.

Камень скользнул под подошвой.

Марианна схватилась за ближайшую руку. Веер выскользнул из пальцев. Граф шагнул к ней, обхватил за талию; её развернуло, и на мгновение ей показалось, что они оба полетят вниз.

Он опустился на одно колено и удержал её.

От внезапной остановки перехватило дыхание. Марианна оказалась почти лежащей у него на руке, другой рукой вцепившись ему в плечо. Лицо графа было совсем близко – так близко, что она чувствовала тепло его дыхания на своей щеке и лёгкий, едва уловимый запах мыла и кожи. Его ладонь лежала у неё на талии, горячая даже сквозь тонкую ткань платья, и пальцы непроизвольно сжались чуть сильнее, когда она дёрнулась.

– Вы ушиблись? – голос у него был низким, чуть хрипловатым.

Она покачала головой. Слова никак не находились. Она слышала, как бьётся его сердце – или своё, – и чувствовала, как под ладонью двигаются твёрдые мышцы плеча. Пальцы сами скользнули выше, к открытой полоске кожи над воротником. Костяшки коснулись тёплой кожи, и он на мгновение замер.

– Постойте, – сказал он, когда она попыталась выпрямиться. – У вас зацепилась лента.

Нога оставалась на верхней ступени. Шёлковая лента от туфельки затянулась вокруг выступа внизу балюстрады. Марианна опустила взгляд и увидела рядом с собственным по-

долом тёмную влажную ткань его брюк. Он чуть изменил положение, поддерживая её выше локтя, и наклонился. Она послушно обхватила его плечо обеими руками. Когда его пальцы коснулись её щиколотки, освобождая ленту, по коже пробежала дрожь – не от холода.

– Теперь можете… – начал он, но не договорил.

– Милорд!

Резкий женский голос заставил её вздрогнуть.

У открытой двери стояла миссис Селвин. За её плечом виднелось бледное лицо мисс Грей. Обе смотрели вниз, на ступени. Марианна почувствовала, как напряглась рука графа у неё под локтем.

– Мисс Лэнгтон поскользнулась, – сказал он.

Он помог Марианне подняться. Рукав надорвался у шва и соскользнул; она торопливо поправила его. На юбке темнел след от мокрого камня.

– Мне показалось… – начала мисс Грей и замолчала.

– Нам нужно позвать вашу матушку, – сказала миссис Селвин. Она уже смотрела на платье Марианны. – Бедное дитя, вы вся дрожите.

До этой минуты Марианна не дрожала. Теперь пальцы не слушались её, когда она пыталась натянуть перчатку.

– Я оступилась, – повторила она. – Лорд Уинтерборн успел меня удержать.

Миссис Селвин посмотрела на графа, потом опять на неё. Выражение её лица изменилось совсем немного, но Мариан-

на вдруг поняла, как выглядело то, что они застали.

Ей стало холодно.

Граф поднял веер и передал ей.

– Войдите в дом. Вам действительно нужно согреться.

Миссис Селвин уже отступала в дверной проём.

– Элизабет! Где же Элизабет? Мисс Лэнгтон дурно.

– Мне не дурно, – сказала Марианна, но голос утонул в шуме комнаты.

К двери обернулись несколько человек. Сначала она увидела мать, быстро поднявшуюся из-за стола, потом миссис Харроу. Мисс Грей что-то торопливо говорила хозяйке. Миссис Селвин протянула руку к рукаву Марианны, словно собиралась проводить её через всю гостиную.

Марианна отстранилась и сама подошла к матери.

– Я поскользнулась на террасе, – сказала она. – Всё в порядке. Я не ушиблась.

Элизабет сразу взяла её за руку.

– Ты уверена?

– Совершенно.

Мать посмотрела через её плечо. Лорд Уинтерборн стоял у двери; на его колене было мокрое пятно. Миссис Селвин в эту минуту наклонилась к мисс Грей. Слов Марианна не услышала, но по движению их глаз поняла, о ком они говорят.

– Пройдём сюда, – сказала Элизабет.

Хозяйка повела их в комнату рядом с прихожей. По пу-

ти Марианна встретилась взглядом с Люси, и улыбка сестры погасла.

Элизабет закрыла дверь, сняла с дочери мокрую перчатку и ощупала запястье. Марианна положила испачканный веер на столик.

– Лента от туфли зацепилась, мама. Он не мог сразу меня отпустить.

Элизабет подняла глаза.

– Я тебе верю, дорогая.

У Марианны защипало в носу. Мать всё ещё держала её руку и тревожно смотрела на дверь.

* * *

Николас попросил миссис Харроу выслушать его в кабинете. Хозяйка вошла вслед за ним и сразу закрыла дверь.

– Верхняя ступень мокрая. Мисс Лэнгтон поскользнулась, и я сам едва не упал, удерживая её. Затем у неё зацепилась туфля.

– Я верю вам, милорд. Но миссис Селвин уже успела поговорить по меньшей мере с тремя дамами.

Николас сжал пальцы на спинке стула.

– В таком случае попросите её повторить им моё объяснение.

– Я попрошу, – сказала хозяйка. – И сама скажу то же самое. Однако вы знаете, как это бывает.

Он знал. Сегодня он сам стоял в чужом кабинете с мокрым коленом, помня, как дрогнул под его рукой бок испуганной девушки. Захотелось вернуться к ней, убедиться, что она не ушиблась. Николас резко отпустил спинку стула.

– Где мистер Лэнгтон?

– Я велела позвать его к жене.

Она помедлила.

– Элизабет никогда не простит себе, что позволила дочери выйти одной.

Николас вышел в прихожую. У лестницы миссис Селвин беседовала с пожилым джентльменом. При виде графа она понизила голос.

Николас направился к ней.

– Надеюсь, вы поняли, что мисс Лэнгтон едва не упала со ступеней.

– Конечно, милорд. Я только говорила, какое счастье, что вы оказались рядом.

Она выдержала его взгляд. На её лице застыла заботливая улыбка.

– Девушке так важно, чтобы в подобном случае рядом был порядочный человек.

Он ответил поклоном и отошёл. За плечом тотчас возобновился шёпот.

Дверь маленькой комнаты открылась. Появился Эдвард Лэнгтон; следом за ним Николас увидел старшую дочь. На ней уже была шаль. Она держала голову прямо, и только пальцы, судорожно сжимавшие бахрому, выдавали её состояние.

– Мистер Лэнгтон, – сказал Николас. – Завтра утром я позволю себе навестить вас.

Эдвард посмотрел на него внимательно и устало.

– Вы можете приехать к одиннадцати.

Марианна подняла глаза. Николасу захотелось сказать ей несколько слов отдельно от всех, однако выражение её лица остановило его. Она уже смотрела на отца, словно ждала, чтобы он увёл её домой.

Николас отступил. Пока подавали карету Лэнгтонов, он оставался в стороне.

В карете он снова подумал о ступенях. Мисс Лэнгтон сама обошла кадку, шагнула на край плиты. Мать отпустила её одну. Миссис Селвин рассказывала о стеснённых обстоятельствах семьи. Эти мелочи складывались в неприятную последовательность.

Он вспомнил затянувшуюся ленту, холод её пальцев у себя на шее. Девушка испугалась по-настоящему. В этом он не сомневался.

Но разве испуг исключал намерение?

Ему хотелось найти объяснение, в котором собственная растерянность занимала бы как можно меньше места. Теперь следовало справиться с последствиями.

Когда карета остановилась у Уинтерборн-холла, решение уже было принято. Утром он сделает то, чего требует положение. Разумеется, мистеру Лэнгтону придётся говорить об условиях. А с самой девушкой следовало объясниться вполне определённо.

Глава третья

Предложение

К одиннадцати дождь прекратился. Николас ехал между влажными изгородями к невысокому светлому дому Лэнгтонов. Он не раз проезжал мимо, не задумываясь о тех, кто здесь живёт.

Дверь открыла пожилая служанка и провела его в гостиную. В камине горел огонь, у кресла стояли книги, на подоконнике лежала раскрытая коробка с нитками. При его появлении голоса в соседней комнате смолкли.

Эдвард Лэнгтон появился почти сразу. При дневном свете он выглядел старше, чем накануне. Николас поклонился и принял предложенное кресло.

– Надеюсь, мисс Лэнгтон хорошо себя чувствует.

– Она не ушиблась. Благодарю вас за помощь.

Лэнгтон остался стоять у камина. Визит, обещанный при свидетелях, оставлял мало возможностей для обычной беседы.

– Я приехал просить руки вашей дочери, – сказал Николас.

Эдвард посмотрел на него прямо.

– Она знает о вашем намерении?

– Пока нет.

– Тогда сначала вам следует поговорить с ней.

Николас почувствовал раздражение.

– Я хотел прежде получить ваше согласие.

– Вы получите его, если Марианна согласится сама и я буду уверен, что она понимает своё решение.

Эдвард сложил очки и положил на каминную полку.

– Милорд, я ценю ваше намерение. Однако вы знакомы со вчерашнего вечера. Я не могу ответить за дочь.

В его голосе была спокойная твёрдость, к которой граф не был готов.

– Я постараюсь объяснить ей своё предложение достаточно ясно.

Эдвард поклонился и вышел.

Николас остался один. На столике ещё стояла чашка, не убранная после завтрака. Он ожидал другого приёма. Вероятно, Лэнгтоны опасались выглядеть слишком довольными.

* * *

Марианна видела из окна, как подъехала карета. С тех пор у неё было несколько минут, чтобы придумать, что она скажет графу. Все приготовленные фразы исчезли, едва отец вошёл в столовую.

– Лорд Уинтерборн хочет поговорить с тобой, дорогая.

Марианна положила ладонь на спинку стула. Ночью она почти не спала. Утром случившееся казалось ещё нелепее: она цела, платье можно вычистить, ногу лишь немного тянет

при ходьбе. Отчего же у отца такой серьёзный голос?

– Марианна, – тихо сказал он, – тебе не нужно отвечать немедленно. Мы с матерью будем здесь.

Она кивнула и пошла к двери.

В гостиной граф стоял у окна. Увидев её, он повернулся и поклонился. Тёмный сюртук был безупречен; от вчерашнего пятна не осталось следа. Марианна неожиданно почувствовала досаду: её собственный рукав пришлось чинить утром, и два потраченных на это стежка всё ещё отчётливо стояли перед глазами.

– Доброе утро, милорд.

– Мисс Лэнгтон.

Он сел напротив. Дверь оставалась приоткрыта; из соседней комнаты донёсся звон чашки. Марианна сложила руки на коленях.

– Я хотела поблагодарить вас. Если бы вы меня не удержали, я могла бы сильно ушибиться.

– На моём месте так поступил бы любой.

Его лицо оставалось неподвижным. Он посмотрел на её руки, и Марианна заставила себя разжать пальцы.

– Я уже говорил с вашим отцом, – произнёс он. – И теперь прошу вас оказать мне честь стать моей женой.

Хотя она ждала этих слов, услышать их оказалось страшнее, чем думать о них ночью.

Несколько мгновений Марианна смотрела на него. Он не улыбался. Голос был учтивым, ровным, как при обычном

светском разговоре.

– Из-за вчерашнего?

– Обстоятельства требуют определённого решения.

Она опустила глаза.

Марианна всегда представляла, что в такой день будет рада. Знала, что приданое невелико, что знакомство ещё не обещает предложения, – и всё же надеялась. Теперь почти незнакомый человек ждал ответа, словно они обсуждали неудобство, которое нужно устранить.

– Вы полагаете, другого решения нет?

– Я полагаю, что моё предложение должно вас устроить.

Она подняла голову.

– Должно?

Николас чуть откинулся в кресле.

– Я не вижу необходимости делать вид, будто положение моей семьи вам неизвестно. Вы получите имя, дом, достаточное содержание. Я позабочусь обо всём, что потребуется.

Её щёки начали гореть.

– Я не спрашивала, что получу.

Марианна выпрямилась.

– Вы приехали сделать мне предложение или объяснить, насколько мне повезло?

Он посмотрел на неё внимательнее.

– Я приехал уладить положение, в котором мы оба оказались вчера.

– По случайности.

Николас помолчал. В этой паузе было что-то такое, от чего Марианна перестала чувствовать даже жар в лице.

– Вы считаете иначе?

– Мне кажется излишним спорить о том, что уже произошло.

– Но вы же были там. Вы видели, как я оступилась.

– Я помню это достаточно хорошо.

От его спокойного голоса Марианна почему-то чувствовала себя виноватой.

– Я знаю о ваших затруднениях, – сказал он.

– Вы ничего обо мне не знаете!

Она произнесла это громче, чем намеревалась. В соседней комнате стало тихо.

Николас слегка нахмурился.

– Пожалуйста, мисс Лэнгтон. Нам предстоит договориться о будущем. Ваше возмущение не поможет.

– А ваши предположения помогают? О каких затруднениях вы говорите?

– О тех, которые заставляют семью думать об обеспеченном браке для дочери. Я понимаю, что вашей матери приходится учитывать многое.

Он взглянул на приоткрытую дверь.

Марианна почувствовала, как сжались губы. Теперь она поняла и эту осторожную учтивость, и то, почему он так подробно перечислил преимущества своего предложения.

– Моя мать надеялась, что я хорошо проведу вечер, – ска-

зала она. – Утром она помогала мне пришивать кружево к платью. А когда я вернулась с террасы, первым делом посмотрела, не болит ли у меня рука.

Она замолчала, справляясь с дрожью в голосе.

– Если вы думаете, будто она послала меня к вам в сад…

– Я не говорил этого.

– Вы дали мне понять это вполне ясно.

Он отвёл взгляд к камину. Марианне захотелось встать и открыть дверь настежь, чтобы отец услышал каждое слово. Но тогда пришлось бы повторить всё это при матери. Увидеть, как она поймёт, что о ней подумали.

Марианна крепче стиснула пальцы.

– Не позволяйте себе говорить о ней таким образом.

Николас медленно повернулся к ней.

– Я не намерен ссориться с вашей семьёй.

– Тогда вам следует начать с другого разговора.

Он поднялся. Марианна тоже встала, хотя колени неприятно ослабели.

Они смотрели друг на друга. Выпрямившись во весь рост, Марианна заметила, что граф чуть отвёл голову.

– Я предлагаю вам брак, мисс Лэнгтон, – сказал он наконец. – Полагаю, вчерашний случай достаточно ясно показал, насколько быстро подобные обстоятельства становятся достоянием окружающих. Я готов принять на себя последствия.

Марианна вспомнила шёпот в прихожей и тихий ночной

разговор родителей. Утром Люси впервые не спросила, когда они снова куда-нибудь поедут.

– Мне нужно поговорить с родителями.

– Разумеется.

– И я не обещаю, что соглашусь.

На его лице промелькнуло удивление. Оно исчезло почти сразу, но Марианна успела заметить.

– Я подожду здесь, – ответил он.

Она вышла.

Отец стоял у окна столовой. Мать сразу повернулась к ней, а Люси поднялась, но Элизабет тихо попросила её оставить их ненадолго. Сестра посмотрела на Марианну и послушалась.

– Он сделал предложение, – сказала Марианна.

Эдвард кивнул.

– Да.

Марианна села на ближайший стул.

– Что будет, если я откажусь?

Мать отвела глаза, и отец подошёл ближе.

– Мы скажем миссис Харроу, что произошло, и попросим её подтвердить это при любом разговоре. Я напишу тем, кому сочту нужным. На какое-то время придётся реже бывать в гостях. Если захочешь, поедем к твоей тётке.

– А потом?

Он помолчал.

– Не знаю, дорогая. Люди многое забывают. Некоторые, к

сожалению, помнят то, что им удобно.

Марианна посмотрела на мать. Та сидела очень прямо, держа на коленях всё ту же утреннюю салфетку.

– Ты думаешь, мне следует согласиться?

Элизабет несколько раз провела большим пальцем по краю ткани.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива. Вчера я была благодарна ему за помощь. Сегодня благодарна за то, что он приехал. Но я не знаю, сумеете ли вы полюбить друг друга.

Марианна опустила взгляд.

– Он кажется тебе хорошим человеком?

– Я слышала о нём много хорошего, – осторожно ответила мать. – Он сдержан. Возможно, гораздо сдержаннее, чем мы привыкли.

Эдвард опустился на стул рядом с дочерью.

– Что он сказал тебе, Марианна?

Она посмотрела на отцовскую руку, на маленький знакомый шрам у основания большого пальца. Вчера он хлопал ей после музыки. Ей захотелось вернуться в ту минуту, попросить подать карету и уехать всем вместе.

– Что готов принять на себя последствия, – произнесла она.

Отец внимательно посмотрел на неё.

– Он был груб?

– Учтив, – сказала Марианна после короткой паузы. – Очень учтив.

Элизабет придвинулась ближе. Марианна позволила взять себя за руку.

Она могла отказаться, уехать и переждать. Но сестра станет делать вид, что ей всё равно, пригласят ли их в гости. Мать будет замечать каждый взгляд. А сама Марианна – вспоминать ту мокрую ступень.

В соседней комнате ждал человек, который удержал её от падения и сам объяснился со свидетелями. Марианна вспоминала эти поступки рядом с оскорбительными словами и не могла составить ясного представления о нём.

– Я пока почти не знаю его, – сказала она.

– Поэтому тебе и не следует торопиться, – ответил Эдвард.

Марианна сжала материнские пальцы и медленно отпустила.

– Я согласна.

Отец не двинулся.

– Подумай до завтра.

– Я буду думать о том же самом. Папа, я понимаю, что ты оставишь меня здесь, если я захочу. Я знаю.

Слёзы всё-таки выступили, и она быстро опустила голову. Несколько мгновений никто не говорил. Потом мать осторожно коснулась её волос.

В гостиную Марианна вернулась вместе с отцом. Граф поднялся им навстречу. Она остановилась у кресла, на котором сидела прежде, и положила ладонь на его спинку.

– Я принимаю ваше предложение, милорд.

Он поклонился.

– Благодарю вас, мисс Лэнгтон.

Эдвард пригласил графа в кабинет. Им предстояло обсудить дальнейшие приготовления. Николас остановился у двери, ожидая хозяина, и снова посмотрел на Марианну.

– Надеюсь, вчерашнее происшествие не оставит неприятных последствий для вашего здоровья.

Она посмотрела на него прямо.

– У меня ничего не болит.

Он чуть склонил голову и вышел вслед за отцом.

Марианна осталась у кресла. На сиденье лежал забытый материнский платок. Она подняла его и разгладила. Из столовой осторожно выглянула Люси.

– Можно к тебе?

Марианна кивнула. Сестра подошла и молча обняла её, прижавшись щекой к плечу.

Тогда Марианна наконец заплакала.

Глава 4

До свадьбы

Свадьбу назначили через три недели.

Сначала Николас назвал более близкий день. Марианна, сидевшая напротив него за столом в маленькой гостиной, посмотрела на мать: та ещё не успела убрать со скатерти шкатулку с нитками.

– Мне понадобится немного больше времени, – сказала Марианна.

Он перевёл на неё взгляд.

– Разумеется. Сколько?

Три недели назвала Элизабет. Граф достал записную книжку и отметил число; от этого простого движения у Марианны сжалось сердце. До сих пор свадьба представлялась ей множеством тревожных разговоров. Теперь у неё появился день.

Венчаться решили в их приходской церкви. Николас собирался получить разрешение на брак без оглашений; пригласить следовало только родных и самых близких знакомых. После свадьбы предстояло ехать прямо в Уинтерборн-холл.

– Если вы предпочитаете другое место… – начал Николас, заметив её молчание.

– Нет. Я хотела бы венчаться здесь.

В этой церкви она стояла рядом с матерью каждое воскресенье. Хотелось хотя бы в день свадьбы видеть знакомые вещи.

Николас закрыл книжку.

– Тогда решено.

В последующие дни эта шкатулка почти не закрывалась. На стульях лежали отрезы ткани, Люси разыскивала ножницы, которые сама же унесла наверх, а Элизабет, прежде чем выйти из комнаты, неизменно просила никого не садиться на левое кресло. Там хранилось то рукавное кружево, то недошитый чехол, то платье, почему-то занявшее оба подлокотника.

Миссис Харроу привезла засахаренные фрукты и заверила Марианну, что велела миссис Селвин радоваться её счастью без всяких прибавлений. Слова о счастье пришлось выслушивать всё чаще. Марианна научилась улыбаться в ответ: ведь никто не спрашивал её прямо.

Леди Элеонора Эвери приехала через неделю после помолвки.

Марианна помнила её по вечеру в Брайар-хаусе – светловолосую, живую, с привычкой чуть подаваться вперёд, когда слушает. Уже через четверть часа гостья сидела возле Элизабет с разложенным на коленях кружевом. Она привезла образцы от хорошей портнихи и предложила её услуги столь непринуждённо, что матери не пришлось смущённо благо-

дарить за одолжение.

– Она умеет слушать заказчиц, – сказала Элеонора. – Это редкий дар. Я однажды сделала заказ у женщины, которая в конце концов уговорила меня, что у меня другие плечи.

Люси рассмеялась.

– И вы согласились?

– Только до примерки. Томас уверил меня, что прежние ему нравились больше.

Когда мать и Люси занялись образцами, Элеонора пересела поближе.

– Николас сказал, что вы любите музыку.

Марианна подняла глаза.

– Он сказал?

– Я спросила, хорошо ли вы играете. Он ответил: «Да». Потом помолчал и добавил, что вы не выбираете пьес, которые вам не по силам. Это следует считать похвалой.

Марианна улыбнулась прежде, чем успела удержаться.

– Буду знать.

Элеонора поправила упавший конец ленты на её рабочем мешочке.

– Я не стану рассказывать вам, какой у меня замечательный брат. Вы сами с ним познакомитесь. Но если вам понадобится что-нибудь спросить о доме или о наших знакомых, напишите мне. Иногда гораздо удобнее спросить женщину.

Николас приезжал в положенные часы, узнавал о приготовлениях, беседовал с отцом. Однажды он привёз кольцо

в маленькой коробочке и открыл её перед Марианной, пока мать искала письмо портнихи. В середине был небольшой бриллиант, по сторонам – два камня поменьше.

– Если придётся изменить размер, это не займёт много времени, – сказал он.

Она протянула руку. Кольцо село впору, но Николас всё же слегка повернул его на пальце, проверяя. Его голая рука была тёплой. Марианна ощутила это с неожиданной отчётливостью и взглянула на него.

Он смотрел на кольцо. Вблизи она заметила маленький след от бритвы у его челюсти, прежде совершенно скрытый общим впечатлением безупречной опрятности. Почему-то именно эта крошечная подробность смутила её сильнее, чем дорогой подарок.

Николас отпустил её пальцы.

– Не тесно?

– Нет. Благодарю вас.

Мать вернулась с письмом, и больше ничего не произошло. Вечером, снимая кольцо, чтобы умыться, Марианна вспомнила тепло его руки и рассердилась на себя. Оскорбительные слова она тоже помнила.

* * *

За пять дней до свадьбы Николас приехал раньше обычного. Эдвард был в саду; из гостиной доносились голоса, и слуга, принявший шляпу гостя, ещё не успел его доложить, когда там громко рассмеялись.

– Если ты оставишь ещё хоть одну книгу, сундук не закроется, – говорила Люси.

– Он и так не закроется. На нём сидят твои ноты.

– Мои ноты поедут с тобой. Ты мне обещала.

Николас остановился на пороге. В комнате было так много вещей, что поначалу он не увидел Марианну. Потом она выпрямилась возле раскрытого сундука. На щеке у неё лежала тень от выбившегося локона, в руке была книга с потрёпанным корешком.

Люси вскочила с пола. Элизабет подняла голову от шитья.

– Простите, милорд, мы не ожидали вас так рано. Здесь невозможно сесть.

– Могу я чем-нибудь помочь?

– Разве что посоветовать моей сестре оставить дома половину библиотеки, – сказала Люси и тут же покраснела от собственной смелости.

Николас посмотрел на книги.

– У меня найдётся место для всех.

Марианна положила томик в сундук, а Люси, быстро взглянув на неё, принялась убирать ноты. В этой комнате его предложение прозвучало почти хвастливо. Он лишь хотел сказать, что нет необходимости отказываться от привычных вещей.

Элизабет освободила кресло. Уколотый палец она прижала платком и попросила дочь достать другую иглу.

– Вы сами шьёте? – спросил Николас.

– Только кое-что отделываю. Портниха и без того насилу управляется. Свадебное платье она принесёт завтра.

Элизабет говорила без малейшего смущения. Николас прежде не замечал, сколько работы предшествовало появлению чистого воротничка или нового рукава. Всё необходимое возникало в его доме к надлежащему времени.

Когда пришёл Эдвард, Люси подняла обеими руками стопку нот.

– Папа, скажи ей, что довольно.

– Я бы сказал, но внизу ещё лежит мой атлас. Его тоже надо уложить.

– Папа!

– Марианна всегда берёт мой атлас, когда мы спорим о путешествиях. Не могу же я оставить её без последнего слова.

Элизабет покачала головой, а Марианна засмеялась. Николас впервые после вечера у миссис Харроу услышал её непринуждённый смех. Она стояла совсем рядом и смотрела на отца; Николас видел её лицо в профиль, лёгкую ямочку у рта, открывшиеся от улыбки зубы. Ему захотелось, чтобы она обернулась.

Эдвард пригласил его в кабинет закончить разговор о брачных соглашениях. Николас вдруг подумал, как мало предложил сверх этих бумаг самой Марианне.

Возвращаясь через полчаса в гостиную, он застал её у окна. Мать с Люси ушли наверх, дверь оставалась открытой. Она держала кусок шёлковой ленты и пыталась расправить

на нём складку.

– Мисс Лэнгтон.

Марианна обернулась. Улыбки на её лице уже не было.

– Да, милорд?

Он подошёл ближе, но не настолько, чтобы ей пришлось отступить от окна.

– Во время нашего первого разговора я позволил себе резкость. Я не должен был говорить с вами таким образом. Прошу меня извинить.

Она медленно опустила ленту.

Николас привык, что извинение принимают сразу. Марианна молчала, и он услышал, как внизу, за приоткрытым окном, скрипнула садовая калитка.

– Вы сожалеете о том, как сказали это? – спросила она наконец.

– Да.

Она ждала. Николас понял, какого продолжения она хочет. Он не мог бы теперь повторить прежние слова, стоя в комнате, где лежало шитьё её матери. Но собственное подозрение всё ещё оставалось у него в памяти, и сказать, что он совершенно от него избавился, означало бы солгать.

– Вашей матери я обязан безупречной учтивостью, – добавил он. – Я дал вам основание усомниться и в этом. Такого больше не будет.

Марианна посмотрела на него прямо. Несколько мгновений он думал, что она заставит его договорить. Вместо этого

она положила ленту на подоконник.

– Благодарю вас за извинение.

Она произнесла это спокойно. Николасу стало бы легче, если бы она рассердилась.

– Я хотел бы, чтобы вы не чувствовали себя несчастной в моём доме, – сказал он после паузы.

Её пальцы замерли на подоконнике.

– Я постараюсь.

– Я не имел в виду, что это зависит только от вас.

Она взглянула на него ещё раз, теперь с едва заметным удивлением. В коридоре послышались шаги Элизабет, и Николас отступил, освобождая ей дорогу.

* * *

В последний вечер перед свадьбой Марианна несколько раз проверила дорожный мешок, хотя помнила, что положила в него. На кровати лежало приготовленное на утро платье. От нового шёлка исходил сухой, чуть сладковатый запах.

В дверь постучала Люси.

– Мама говорит, всё остынет.

– Я сейчас.

Сестра вошла и закрыла за собой дверь. Подошла к туалетному столику, открыла ящик, где они обе знали каждую вещь, и положила туда маленькую вышитую подушечку для булавок.

– Это тебе.

На ткани был вышит кривоватый венок. В одном месте

нитка стянула край.

– Когда ты успела?

– Пока ты говорила, что мне давно пора спать.

Марианна провела пальцем по неровным стежкам.

– Я возьму её с собой.

– Я знаю. Потому и принесла сейчас. Утром ты будешь очень занята.

Они помолчали. Люси поправила одну из лент на свадебном платье, хотя та лежала как следует.

– Ты будешь часто писать?

– Если ты обещаешь отвечать.

– Я буду отвечать сразу.

Марианна обняла её, и сестра тотчас обхватила её за талию, прижавшись крепче, чем собиралась.

За ужином отец рассказывал, как садовник уговаривал его вырубить старую грушу, а мать возражала, что груша всякий раз слышит эти разговоры и на следующий год приносит плоды. Люси вступилась за дерево. Марианна тоже что-то сказала; они немного поспорили, и ужин незаметно закончился.

Когда стали убирать со стола, она задержалась на своём стуле. В ложке отражался огонь свечи, на скатерти возле отцовского прибора осталось маленькое пятно. Завтра здесь поставят ещё несколько стульев, придут гости. А послезавтра всё будет как всегда, только без неё.

Эдвард остановился у двери.

– Не идёшь к нам?

– Иду, папа.

Она встала, но, подойдя, не прошла мимо, а взяла его под руку. Отец накрыл её пальцы ладонью. Так они и дошли до гостиной.

Глава 5

Чужой дом

Когда Марианна подошла к алтарю, Николас повернулся ей навстречу, и она сразу забыла, что собиралась смотреть только на священника.

Он был без перчаток. Это первым привлекло её внимание: длинные пальцы, едва заметный загар на руках, неподвижно лежавших вдоль тела. Потом она подняла взгляд. Он смотрел на неё так внимательно, словно ждал ответа на вопрос, которого ещё не задал.

Отец слегка сжал её руку, прежде чем отпустить.

В церкви пахло холодным камнем и влажной шерстью. У входа кто-то покашлял; Марианна узнала кашель старого мистера Дейла, сидевшего позади них по воскресеньям. Знакомые звуки помогли ей выпрямиться.

Священник начал говорить. Она старалась вслушиваться, но всё замечала что-нибудь постороннее: неровный край каменной плиты, пылинку на рукаве Николаса. Когда пришла её очередь отвечать, собственный голос показался ей слишком тихим.

Николас взял её правую руку. Пальцы у неё озябли, и он сомкнул ладонь чуть плотнее, будто почувствовал это. Она

смотрела на их руки, пока он произносил обещание. Его голос был ровным, отчётливым; слова о болезни и здравии прозвучали с той же серьёзностью, с какой он прежде обсуждал приготовления. Марианна впервые подумала, что для него и они могут означать очень многое.

Кольцо на её пальце блеснуло тусклым золотом.

Она стала его женой.

После службы Люси всё пыталась расправить ей шаль. Мать поцеловала её дважды, второй раз – уже почти у самой двери. Миссис Харроу говорила, что никогда не видела такой красивой невесты. Марианна стояла, принимала поздравления и всё время чувствовала рядом с собой Николаса, хотя он едва касался её локтя.

Томас Эвери придержал церковную дверь, пропуская жену. У Элеоноры зацепилась за застёжку шали тонкая цепочка. Он освободил её одним привычным движением, не прерывая разговора с Эдвардом, и пошёл дальше. Марианна проводила их взглядом.

За свадебным завтраком Марианна почти ничего не ела. Люси, сидевшая напротив, всё время смотрела на сестру, и Марианна несколько раз улыбнулась ей, чтобы та перестала тревожиться.

Мать помогла ей переодеться к отъезду. Застегнув дорожное платье, разгладила его на плечах. Хотелось попросить её ещё немного постоять сзади, но Марианна встретилась с нею глазами в зеркале и улыбнулась.

Прощание получилось коротким: Марианна испугалась, что, если задержится, не сумеет выйти за дверь. Отец сказал, чтобы писала, как только устроится. Люси обняла так крепко, что пришлось поправлять шляпку.

Николас помог ей сесть в карету.

Марианна оглянулась уже изнутри. Мать стояла на верхней ступеньке, отец рядом с нею, Люси чуть впереди. Сестра подняла руку. Потом карета повернула, и дома не стало видно.

Какое-то время она смотрела в окно, не замечая дороги. Когда повернулась, Николас протянул сложенный дорожный плед.

– Вам не будет холодно?

– Благодарю вас.

Она устроила плед на коленях. Теперь можно было обращаться к нему по имени. Но Марианна не знала, как начать.

– Долго ещё ехать? – спросила она вместо этого.

– К вечеру будем дома.

Он сказал «дома», не придав этому значения. Марианна прислонилась к спинке, но лента шляпки тянула под подбородком, и она снова выпрямилась.

– Мне всё время кажется, что я что-нибудь забыла.

– За забытыми вещами можно послать.

– Да, конечно.

Она хотела объяснить, что дело не в вещах, но не нашла слов. Карета качнулась на выбоине. Николас сразу подался

вперёд, и Марианна, заметив это, крепче взялась за боковую петлю.

– На этот раз я держусь.

Он взглянул на её руку и чуть склонил голову. Уголок его рта дрогнул.

– Вижу.

Марианна снова посмотрела в окно. Почему-то после этого ей стало немного легче.

Уинтерборн-холл показался за поворотом длинной аллеи: светлый камень, высокие окна, два выступающих крыла. В сумерках Марианна не сразу различила, где кончается фасад. Она знала, что дом большой, но невольно представляла его по знакомым образцам: родительской лестнице, гостиной миссис Харроу. Теперь всё это оказалось слишком маленьким.

В холле их ждали. Пожилой дворецкий поклонился; чуть позади него стояла женщина в тёмном платье с ключами у пояса, дальше – ещё несколько человек. Марианна сняла перчатку, прежде чем поняла, что никому не собирается протягивать руку.

– Мистер Прайс, – представил дворецкого Николас. – Миссис Белл, наша экономка.

Он назвал остальных, но Марианна почти ничего не запомнила. Сказала, что рада познакомиться со всеми, и услышала собственный голос под высоким потолком.

– Надеюсь, дорога не слишком утомила вас, миледи, –

произнесла миссис Белл.

Марианна ответила не сразу. Впервые так обратились к ней.

Николас передал перчатки слуге и повернулся к жене.

– Ваши комнаты приготовлены. Миссис Белл проводит вас наверх. Ужин можно подать позже, если захотите.

– Нет, я успею переодеться.

Ей было трудно отпустить его руку. Она держалась за него как за единственного знакомого человека. Теперь он остался внизу с дворецким, а она пошла вслед за экономкой.

Её спальня выходила окнами в сад. Горел камин; над ним висело овальное зеркало в золочёной раме. Перед огнём стояли два кресла. На туалетном столике были расставлены фарфоровые коробочки, на кровати лежало гладкое светлое покрывало.

– Гардеробная здесь, миледи. Вода приготовлена. Анна поможет вам переодеться.

Молодая женщина у двери сделала реверанс. Экономка удалилась, оставив Марианну посреди спальни. Через минуту Анна осторожно спросила, можно ли снять с неё шляпку.

Марианна вздрогнула и подняла руки к лентам.

– Да. Простите, я задумалась.

Горничная сняла шляпку, потом дорожное платье. Марианна смотрела на своё отражение и старалась не вспоминать, как стояла утром за её спиной мать – в другом зеркале, в другой комнате.

– Вам не холодно, миледи?

– Нет, Анна. Благодарю вас.

Горничная чуть подняла глаза, услышав своё имя, и снова занялась застёжками.

* * *

К ужину Николас велел накрыть в небольшой столовой. Здесь обычно подавали ему одному. Теперь, глядя на второй прибор, он подумал, что стол мог бы быть поменьше. Или следовало поставить цветы.

Марианна вошла в светлом платье. Без шляпки и дорожной накидки она показалась ему выше и тоньше, чем на церковном крыльце. Он поднялся навстречу и заметил, как она посмотрела на его лицо, словно хотела заранее понять, что он скажет.

Николас спросил, понравились ли ей комнаты.

– Очень красивые.

Он отодвинул для неё стул.

За ужином она рассказала, что Люси положила в сундук лишнюю нотную тетрадь. Николас вспомнил её сестру, поспешно подбиравшую с пола книги, и спросил, часто ли они играли вместе. Марианна ответила охотнее. Он узнал, что Люси торопится в быстрых местах и обижается, когда её останавливают, но потом сама требует начать сначала.

– Вы, вероятно, были строгой наставницей.

– Она не назвала бы меня наставницей. Сёстры, по её мнению, не имеют на это права.

Она улыбнулась, и Николас, уже взявшийся за бокал, задержал руку. Усталость ещё лежала у неё под глазами, но улыбка изменила всё лицо.

Когда убрали со стола, они перешли в соседнюю гостиную. Марианна села возле камина, и он предложил ей вина. Она покачала головой. На мгновение ему стало нечем заняться.

В собственном доме он вдруг не знал, где сесть.

Он сел напротив. Они поговорили об Элеоноре, о книгах. Когда в коридоре пробили часы, Марианна повернула голову с таким невольным облегчением, что он сразу встал.

– Вы совсем утомились. Позвольте проводить вас.

Наверху было тихо. Марианна шла рядом, держась за его руку. Он чувствовал сквозь ткань лёгкое давление её пальцев и слишком хорошо помнил, как утром её ладонь лежала в его ладони. Теперь у него появилось право снова взять её за руку – и гораздо большее право, о котором она, несомненно, тоже думала.

У дверей спальни она остановилась. Николас открыл дверь и пошёл за нею.

Анна успела прибрать комнату. На столике горели свечи; угол покрывала был откинут. Марианна увидела это и опустила глаза. Он остановился в двух шагах, и она вдруг остро почувствовала, как мало на ней одежды – только платье и тонкая шаль.

– Мои комнаты рядом. За той дверью, – сказал он. Го-

лос звучал обычным, но она заметила, как он сжал пальцы, прежде чем спрятать их за спину.

– Я счёл, что вам понадобится время привыкнуть к перемене в вашей жизни. Вам незачем тревожиться из-за… супружеских обязанностей. Пока всё может оставаться так.

Она подняла на него глаза. В свете свечей его лицо казалось жёстче обычного, но взгляд задержался на её губах, потом скользнул ниже – к ключицам, к краю рукава. Николасу показалось, что он сказал недостаточно ясно.

– Вы можете рассчитывать на мою сдержанность.

У неё чуть шевельнулись губы. Она стояла совсем близко. Достаточно было сделать ещё шаг. Он чувствовал тонкий запах её кожи – тёплый, чуть сладковатый от пудры и ночного воздуха. На спинку кресла была брошена тонкая шаль. Он поднял её и подал. Ткань скользнула по его запястью, а потом по её обнажённой коже у локтя.

Николас посмотрел на этот локоть, на изгиб руки, на место, где заканчивался короткий рукав. Ему захотелось коснуться её там губами – просто положить рот на тёплую кожу и почувствовать, как она вздрагивает. Желание было таким внезапным и простым, что несколько мгновений он не мог вспомнить ни одного разумного слова.

Она расправила шаль и накинула на плечи. Тонкая полоска кожи исчезла.

– Если вам что-нибудь понадобится, звонок у кровати, – сказал он. – Полагаю, вам всё показали.

– Да.

Он пожелал ей доброй ночи и вышел в коридор. В свои комнаты прошёл снаружи, хотя внутренняя дверь была ближе.

Там он остановился у окна, расстегнул ворот и провёл ладонью по затылку. Он помнил, как Марианна опустила глаза, заметив приготовленную постель. Она едва знала его; после тревог последних недель ей следовало дать покой.

Он сделал то, что считал правильным. И всё же её тихое «благодарю вас» не выходило у него из головы.

* * *

Марианна дождалась, пока стихнут шаги в коридоре. Потом подошла к двери между спальнями и прислушалась.

Ничего не было слышно.

Она не знала, чего ждала сегодня вечером. Мать говорила с нею осторожно и нежно; Марианна слушала, чувствуя, как горят щёки. Она боялась Николаса и вместе с тем с самого утра помнила тепло его руки. В карете ей на мгновение захотелось коснуться рукава его фрака – просто чтобы он повернулся к ней.

Теперь ей обещали, что тревожиться незачем. Следовало радоваться.

Марианна отошла от двери и села к туалетному столику. Свечи горели ровно, в зеркале отражалась новая спальня. Она коснулась кольца большим пальцем, медленно повернула его.

Николас говорил о сдержанности так, словно это не требовало от него никаких усилий. Может быть, так и было. Он женился, потому что счёл себя обязанным, и исполнил всё обещанное. Она поселилась в красивом доме. Ей приготовили комнаты, нашли горничную, показали звонок.

Он ни разу не сказал, что хотел бы побыть с нею.

Марианна позвонила. Анна пришла почти сразу. Стало легче оттого, что в комнате кто-то двигался и говорил об обыкновенных вещах: о шпильках, о платье, о том, не нужно ли прибавить угля в камин.

Когда Анна ушла, Марианна достала из дорожного мешка Люсину подушечку для булавок. Поставила перед зеркалом, рядом с фарфоровой коробочкой. Неровный венок был здесь единственной вещью, сделанной знакомыми руками.

Она легла и долго смотрела на слабый отблеск огня на потолке. Дверь в соседние комнаты оставалась закрытой.

Глава 6

Порядок вещей

Утром Марианна проснулась от стука в дверь и несколько мгновений не могла понять, почему Люси так далеко.

Потом разглядела незнакомый полог, светлые стены. Стук повторился.

– Войдите.

Анна принесла горячую воду. Марианна посмотрела на дверь в соседние комнаты. Всё было так же, как вечером. За окном моросил дождь.

– Который час?

– Половина девятого, миледи. Милорд просил не будить вас раньше.

– Он уже встал?

– Милорд уехал верхом. Вернётся к завтраку.

Это почему-то обрадовало её. Она поспешно откинула одеяло и попросила приготовить голубое платье.

Анна распаковала вещи и знала теперь, что где лежит, лучше самой Марианны. Марианна позволила усадить себя перед туалетным столиком.

На вышитой подушечке уже стояло несколько булавок. Анна заметила её взгляд.

– Я поставила сюда те, которыми вы обычно пользуетесь. Если неудобно, я уберу.

– Всё хорошо. Это подарок сестры.

– Очень красивая работа, миледи.

– Не совсем. Вот тут она стянула нитку. Но мне нравится именно так.

В зеркале она увидела, как горничная чуть улыбнулась. Марианна улыбнулась в ответ.

Прежде чем найти комнату для завтрака, она заглянула в зал с зачехлённым инструментом, затем в пустую гостиную. Прайс почтительно проводил её к нужной двери, не обнаружив удивления.

Николаса ещё не было. На столе стояли блюда под серебряными крышками, приборы были выложены с такой точностью, что Марианне стало жалко сдвигать свой нож.

Дома она в это время разливала чай, пока Люси спорила с отцом из-за газеты. Марианна потянулась к чайнику, но подошедший слуга уже налил ей чашку. Она поблагодарила и убрала руки на колени.

Николас пришёл, когда она разломила первую булочку. Он успел переодеться, только волосы у висков оставались чуть влажными.

– Доброе утро. Надеюсь, вы отдохнули?

– Благодарю вас. А вы не промокли?

– Не настолько, чтобы жаловаться на английскую осень.

Он сел и взял газету, но не развернул её.

– Миссис Белл покажет вам дом. Я велел освободить для этого утро.

– Хорошо.

– Если вам что-нибудь не понравится, скажите ей.

Хотелось спросить, не покажет ли он ей дом сам, но Марианна промолчала. Николас налил себе чаю и заметил, что она смотрит на его руки.

– Вам что-нибудь нужно?

– Нет. Я хотела налить вам сама, но вы меня опередили.

Он посмотрел на чайник, потом на неё.

– Благодарю вас.

После завтрака Николас ушёл к управляющему. Миссис Белл появилась с небольшой тетрадью; ей предстояло выяснить, во сколько госпоже удобно получать горячую воду, когда она желает завтракать и понадобится ли ей огонь в гостиной днём.

Марианна отвечала и чувствовала, как из каждого её случайного слова возникает правило. Она не знала, захочется ли ей сидеть в гостиной после полудня. Не знала даже, в какой именно гостиной ей хотелось бы сидеть.

Затем они пошли по дому.

Миссис Белл открывала перед ней створки. От мраморных каминов тянуло холодом. Дом казался удивительно похожим на самого себя: в каждом следующем коридоре опять были два окна и столик у стены.

На боковой лестнице Марианна спросила, давно ли мис-

сис Белл служит в доме. Та ответила, что двадцать три года.

– Значит, вы знаете здесь всё.

– Полагаю, почти всё, миледи.

– А я сегодня дважды заглянула не в ту дверь. Вы не могли бы показать мне самый короткий путь от моей комнаты к завтраку?

На этот раз экономка улыбнулась открыто.

У дверей бельевой стояла молоденькая горничная со стопкой салфеток. Увидев их, она отступила, задела локтем косяк и уронила верхнюю салфетку. Девушка поспешно наклонилась; остальные заскользили вниз.

Марианна подхватила их прежде, чем они упали.

– Вот так. Теперь осторожно.

– Простите, миледи.

Горничная покраснела до самых ушей. Миссис Белл велела ей убрать упавшую салфетку в стирку.

– Она ещё не привыкла, – сказала экономка, когда девушка скрылась в бельевой. – Эллен поступила к нам недавно.

– Эллен, – повторила Марианна, стараясь запомнить.

Они продолжили осмотр. Из служебного коридора доносился запах тёплого хлеба. Марианна замедлила шаг.

– Как чудесно пахнет.

– Миссис Кент печёт хлеб по четвергам.

– А можно мне с нею познакомиться?

Миссис Белл слегка удивилась, но провела её дальше. Кухарка, крупная женщина с красными руками, сначала засты-

ла возле стола, потом торопливо сняла с пальцев прилипшее тесто. Марианна подумала, что всем было бы гораздо удобнее, если бы её приход не заставлял людей бросать работу.

Она сказала, что за завтраком попробовала превосходные булочки. Миссис Кент посмотрела на экономку, затем снова на неё.

– Они пришлись вам по вкусу, миледи?

– Очень. Я съела две, хотя собиралась ограничиться одной.

Кухарка рассмеялась.

– Это хорошо. Я-то боялась, что мало взошли. Всё торопилась поспеть к девяти.

– Неужели вы уже сегодня пекли?

– Так ведь к завтраку. Вчерашние, они другие.

Марианна ещё раз поблагодарила миссис Кент и вслед за экономкой вышла в коридор.

Возле бельевой ей снова встретилась Эллен, теперь без салфеток. Девушка прижалась к стене. Марианна остановилась.

– Не расстраивайтесь из-за того, что случилось. Я сегодня тоже здесь новенькая. И пока ни одной двери не могу найти.

Горничная сперва только моргнула, потом улыбнулась, всё ещё смущённо.

– Я в первую неделю к кладовой для серебра ходила, когда меня за углём посылали, миледи.

– Вот видите. Надеюсь, меня туда не пошлют.

Улыбка Эллен стала шире. Марианна уже собралась идти дальше, когда увидела Николаса у лестницы.

Эллен тотчас сделала реверанс и ушла; миссис Белл, осведомившись, желает ли госпожа ещё что-нибудь осмотреть, тоже удалилась.

Марианна подошла к мужу.

– Я только что познакомилась с миссис Кент. Какие чудесные булочки она…

– Вы были в кухне?

Она остановилась.

– Да.

– Здесь неудобно разговаривать. Пройдёмте.

Он провёл её в библиотеку. Здесь было тепло; на подоконнике лежала раскрытая карта, рядом с креслом стояла чашка. Марианна впервые увидела комнату, где кто-то действительно жил. Ей хотелось рассмотреть книги, но Николас уже закрыл дверь.

– Я понимаю ваше желание познакомиться с домашними, – сказал он. – Это естественно. Однако вам не следует поощрять излишнюю короткость.

– Вы говорите об Эллен?

– В том числе.

– Она всего лишь рассказала мне, что тоже путалась в коридорах.

– Ей следовало извиниться и вернуться к работе.

– Она уже извинилась. За салфетку, которую уронила. Вы

хотите, чтобы она извинялась и за разговор со мной?

Николас чуть сдвинул брови.

– Марианна, я не предлагаю вам обращаться с людьми дурно.

Он впервые назвал её по имени. Она заметила это даже сейчас, хотя была слишком сердита, чтобы обрадоваться.

– Тогда что я сделала не так?

– Между хозяйкой и прислугой существует определённое расстояние. Оно избавляет обе стороны от неловкости. Не всякий человек сумеет понять, чего вы от него ждёте, если станете обращаться с ним как с близким знакомым.

Она вспомнила растерянную кухарку и на мгновение замолчала. Николас, вероятно, счёл, что она согласилась.

– Миссис Белл вполне способна передать любое ваше распоряжение.

– Но я не отдавала распоряжений. Я разговаривала.

– Именно это я и имею в виду.

– Вы предпочли бы, чтобы я прошла мимо девушки, у которой падает бельё, и молча смотрела, как она подбирает его с пола?

– Я предпочёл бы, чтобы бельё не падало.

– Тогда у нас с вами разные затруднения, – сказала Марианна. – Моё начинается уже после этого.

В его лице что-то дрогнуло. Ей показалось, что он едва не улыбнулся, и от этого она рассердилась ещё больше.

– Я говорю серьёзно, милорд.

– Я тоже.

– Дома мы знали имена людей, которые нам служили. Мама спрашивала, как чувствует себя наша кухарка, если та болела. Когда у неё умерла сестра, мы плакали вместе с нею. Это никому не мешало выполнять свою работу.

– Я знаю имена своих людей. И никого не оставляю без помощи при болезни.

Марианна опустила глаза. Он сказал это без хвастовства, с явным недовольством тем, что приходится объяснять.

– Я не хотела сказать, что вы оставляете.

– Однако вы готовы судить о здешних порядках, едва переступив порог.

Она подняла голову.

– Я пока ничего о них не сказала. Это вы объяснили мне, как я должна себя вести.

Николас отошёл к окну. Марианна уже не знала, хочется ли ей, чтобы он обернулся, или лучше уйти сейчас.

– Я буду здесь жить, – произнесла она тише. – И мне придётся встречать этих людей каждый день. Вы не можете требовать, чтобы я проходила мимо них с таким видом, будто…

Она остановилась. Николас повернулся.

– С каким видом?

– Будто нелюдимость и хорошие манеры – одно и то же.

Он выпрямился. Марианна поняла, что задела его, и сжала пальцы на спинке стула.

– Я постараюсь никому не мешать, – добавила она. – И не

заставлять людей чувствовать себя неловко. Но мне было бы трудно всё время молчать. Я не привыкла.

– Я заметил.

Она отступила от стула.

– Тогда прошу меня извинить.

Николас двинулся к двери раньше неё и открыл. Марианна прошла мимо него, стараясь не задеть рукавом его руку. В коридоре она сразу замедлила шаг: снова не знала, в какую сторону идти.

Он оставался на пороге. Спросить его она не могла.

Марианна выбрала левую дверь.

* * *

Николас посмотрел вслед жене. Она вошла в бильярдную, через несколько мгновений вышла с другой стороны и скрылась за поворотом.

Ему следовало окликнуть её. Но пришлось бы начать с того, что она опять заблудилась, а это сейчас едва ли помогло бы. Николас вернулся к столу, где управляющий оставил расчёт расходов на ремонт кровли.

Николас вспомнил Эллен: та стояла возле бельевой и улыбалась его жене. За последние два месяца он видел эту девушку не раз, но, кажется, никогда не видел улыбающейся. Сегодня утром, застигнутая за разговором, она испугалась.

Порядок в доме поддерживался не сам собой. Николас взял расчёт, но дошёл только до третьей строки. Перед глазами стояла Марианна: она спорила с ним, высоко подняв

голову, хотя пальцы её побелели от усилия.

Вчера, заметив приготовленную постель, она казалась совсем другой. Он вспомнил её обнажённую руку, тонкую тень под ключицей. Отложил бумагу и подошёл к камину.

В коридоре послышались шаги. Николас обернулся слишком быстро, но это был Прайс.

– Почту госпоже передавать с утренней, милорд?

– Разумеется. Если придёт отдельно – сразу.

Дворецкий поклонился. Николас уже собирался отпустить его, когда вспомнил завтрак.

– И завтра оставьте чайный поднос возле леди Уинтерборн. Она будет разливать сама.

Прайс не выразил удивления.

– Слушаюсь, милорд.

Николас вернулся к столу. Он не собирался отказываться от своих слов в библиотеке. Но, возможно, Марианне незачем было каждый раз просить о том, что дома она делала без всякого разрешения.

Глава 7

Новые платья

На следующее утро чайный поднос стоял возле места Марианны. Прайс подал ей чайник, словно так бывало всегда, и она сама наполнила обе чашки.

Николас поблагодарил, развернул газету и ничего не объяснил. Марианна тоже не стала спрашивать. Когда он придвинул чашку за второй порцией, ей захотелось улыбнуться,

но он как раз поднял глаза, и она занялась ситечком.

До полудня она успела написать матери и начать письмо Люси. Первое вышло обстоятельным: дорога, комнаты, погода. Во втором Марианна нарисовала схему лестницы с неверной дверью и подумала, что сестра непременно потребовала бы обозначить на плане и самого графа. Она уже приписала сбоку маленькую фигуру, когда Анна сообщила о приезде портнихи.

– Портнихи?

– Мадам Лефевр из Лондона, миледи. Миссис Белл отвела ей комнату рядом с гардеробной.

Марианна отложила перо. За три недели перед свадьбой она достаточно наслушалась об отрезах и примерках и надеялась какое-то время не думать о новых платьях.

В соседней комнате стояли три больших короба. Рядом с ними молодая помощница держала длинный чехол. Мадам Лефевр, маленькая сухощавая женщина в на редкость хорошо сидевшем платье, поклонилась так, будто они давно были знакомы.

– Я привезла то, что можно закончить здесь, миледи. Остальное потребует ещё одной примерки.

– Боюсь, произошло недоразумение. Я ничего не заказывала.

Портниха едва заметно повернула голову к экономке. Миссис Белл спокойно ответила:

– Милорд распорядился до свадьбы. Мадам получила ва-

ши мерки от прежней портнихи.

На стул уже легла тёмно-зелёная ткань. Помощница откинула крышку второго короба, и Марианна увидела серебристый шёлк, сложенный так, чтобы не помялась отделка. Дальше были шерсть винного цвета, тонкий муслин, ленты, перчатки. Всё красивое, всё непривычно дорогое.

Мадам Лефевр подняла зелёное платье.

– Для вечера в небольшом обществе. Милорд пожелал, чтобы у вас был выбор.

Марианна коснулась ткани. Цвет ей нравился. Именно такой зелёный бывал у листьев падуба после дождя. Она могла бы представить себя в этом платье и обрадоваться, если бы хоть вчера знала о его существовании.

– А это для прогулок, – продолжила портниха. – Рукав, конечно, придётся подогнать.

Она говорила о длине, о плечах и о том, какой пояс лучше оттенит фигуру. Марианна послушно поднимала руки, поворачивалась, позволяла прикалывать складки. Портниха не могла знать, что каждый её вопрос вызывает у заказчицы желание спросить в ответ: когда всё это решили?

Серебристый шёлк мягко облёг грудь и талию. Анна придерживала платье сзади, пока помощница намечала застёжки. В зеркале появилась незнакомая высокая женщина, которой следовало только надеть драгоценности и спуститься к гостям.

– Милорд будет доволен, – сказала мадам Лефевр.

Марианна встретилась глазами с собственным отражением.

– Надеюсь, мне тоже будет удобно.

Портниха сразу ослабила булавку у плеча.

* * *

Николас рассчитывал, что жена обрадуется. Элеонора дала ему адрес, он написал, что нужны вещи для молодой замужней женщины, живущей зимой в деревне. Мадам Лефевр ответила со знанием дела; дальнейшее не требовало его участия.

Управляющий задержал его до второй половины дня. Возвращаясь в дом, Николас услышал женские голоса за дверью и вспомнил о приезде портнихи. Он не стал мешать. Позже Прайс сообщил, что посетительницы уехали, а Марианна спустится к обеду.

Марианна появилась в прежнем голубом платье.

Он узнал небольшую потёртость возле манжеты, которую заметил ещё в доме её отца. На мгновение Николас решил, что с обновами что-то не так.

– Мадам Лефевр не сумела вам угодить?

Она остановилась возле стола.

– Платья очень красивые. Благодарю вас.

Он подождал, но она уже села. Пришлось дождаться, пока подадут суп.

– Я думал, вам захочется надеть что-нибудь новое.

– Она ещё не закончила. К тому же я собиралась после

обеда посмотреть оранжерею.

– Миссис Белл не показала её вчера?

– Только издали. Шёл дождь. А сегодня мистер Прайс объяснил, как пройти.

Николас взглянул на окна: к вечеру прояснилось.

– Там в это время уже запирают.

– Я спросила садовника. Он сказал, что будет работать ещё час.

Она явно подготовила всё заранее. Николас положил ложку.

– Зачем вам непременно идти туда сегодня?

Марианна посмотрела на него с недоумением.

– Мне хочется посмотреть растения. Я слышала, у вас их много.

– Вы можете велеть принести цветы в комнату.

– Знаю. Но я люблю возиться с ними сама.

Он невольно представил её среди горшков: светлые манжеты, земля на пальцах, высокая фигура, согнувшаяся над каким-нибудь черенком. Ему до сих пор не приходило в голову, что жена умеет чем-то заниматься помимо музыки, чтения и шитья.

– Вы увлекаетесь ботаникой?

– Недостаточно, чтобы так это называть. Мама говорит, что у меня нет терпения разбирать тычинки, когда нужно полить. Дома я ухаживала за нашими растениями. Некоторые даже не погибли.

Последняя фраза заставила его поднять голову.

– Удачный результат.

– Вы смеётесь?

– Я не решился бы.

Она посмотрела на него внимательнее. Николас почувствовал, что ему хочется продлить этот разговор, но тут же вспомнил о платьях.

– Всё-таки мадам вам не понравилась?

Улыбка исчезла с её лица.

– Она была очень предупредительна.

– Тогда в чём дело?

Марианна подождала, пока слуга сменит тарелки. Николас понял, что она не хочет отвечать при нём, и знаком отпустил человека. Дверь закрылась.

– Мне жаль, если я показалась неблагодарной, – сказала она. – Вы сделали дорогой подарок. Но я ничего не знала. Приехали люди, принесли готовые вещи. Мне осталось только примерить.

– Это должно было избавить вас от хлопот.

– Иногда мне нравятся хлопоты.

Он молчал. Марианна провела пальцем возле края тарелки, не касаясь его.

– Я выбирала бы, например, другое платье для утра. С более простыми рукавами. Мне удобно поднимать их, когда я работаю. А дорожное платье мне вообще пока не нужно. То, в котором я приехала, новое.

– Вы могли сказать это мадам Лефевр.

– Когда она уже всё привезла? Я не хотела обидеть её. Она ведь исполнила заказ.

Николас посмотрел на собственный прибор. Он дал хороший, разумный заказ, предусмотрел холодную погоду и вечерние визиты, выбрал человека, которому доверяла его сестра. Вспомнить, почему при этом он ни разу не спросил Марианну, оказалось неприятно просто: ему и в голову не пришло спросить.

– Я полагал, что это вас порадует, – произнёс он.

Она чуть смягчилась.

– Меня порадовал бы и один отрез. Мы могли бы выбрать его вместе.

Ему представилось, как он сидит в маленькой лавке, а она прикладывает к лицу зелёную ткань и спрашивает, идёт ли ей. В этой воображаемой сцене было больше близости, чем в заказе всех коробов разом. Николасу стало досадно, что он понял это так поздно.

– Мадам приедет ещё раз. Скажите ей, что требуется изменить.

Марианна взглянула на него.

– Вы не будете возражать?

– Платья предназначены вам.

Она поблагодарила, теперь иначе. Он услышал разницу, хотя едва ли смог бы объяснить её словами.

Когда они встали из-за стола, Николас спросил:

– Вы всё ещё хотите идти в оранжерею?

– Да, если не слишком поздно.

– У вас остался час.

Он проводил её до двери. Она задержалась возле зеркала, надела шляпку и поправила завязки. Николас видел её руки в отражении и невольно сравнил их с тем, как они лежали на коленях за столом. Сейчас пальцы двигались быстро и уверенно.

– Вам понадобится более тёплая накидка, – сказал он.

– Я взяла. Она в холле.

Разумеется, она и об этом подумала сама.

* * *

Садовник оказался невысоким пожилым человеком с сухими руками и взглядом, которым он сперва оценил подол Марианны, а потом уже её лицо.

– Здесь сыровато, миледи.

– Я надела старые туфли.

Мистер Бёртон оглядел их ещё раз, словно туфли могли оказаться неисправными, и отступил от двери.

Внутри пахло влажной землёй. Вечерний свет ложился длинными прямоугольниками на каменные плиты. Марианна остановилась, позволяя глазам привыкнуть: большие кадки с цитрусовыми, густые листья, ряд небольших горшков на полках. Под самым стеклом блестели капли воды.

Бёртон показал ей дорожку, по которой можно было пройти, и предупредил, что возле дальней стены лежат инстру-

менты. Она послушно обошла их. Он не пытался развлекать гостью; это понравилось ей больше подробной экскурсии. Вскоре она спросила, почему один из горшков стоит на боку, и получила обстоятельный ответ о дренаже, сопровождавшийся неодобрительным замечанием о помощнике.

Марианна присела возле полки, поддержала подломившийся стебель и спросила, не следует ли подвязать его. Бёртон поглядел, взял мочало, но потом протянул ей.

– Только свободнее, миледи. Ему ещё расти.

Она сделала петлю, ослабила её под его взглядом и отодвинулась. Получилось хорошо.

К выходу Марианна подошла уже в сумерках, с небольшим влажным пятном на манжете. Бёртон протёр руки тряпкой.

– Если захотите прийти завтра, я здесь после завтрака.

Она поблагодарила и вышла. На холодном воздухе лицо сразу освежило. В доме зажигали свечи; в окне нижнего этажа мелькнула мужская фигура. Марианна не могла различить лица, но почему-то решила, что это Николас.

Наверху её ждали короба. Анна спросила, куда убрать старое голубое платье после чистки.

Марианна подошла к открытой крышке. Внутри лежало утреннее платье из мягкой шерсти. Она вынула, приложила к себе, посмотрела на рукава. Красивые складки заканчивались так низко, что при всяком движении приходилось бы следить за манжетами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.